

Александр Галяс

Соперница Райкина

Слава Аркадия Райкина велика и неоспорима. Он по праву считается одним из самых «первых номеров» советской эстрады. Однако далеко не всегда, даже в свои лучшие годы, он был абсолютным лидером. Были у Райкина и соперники, когда-то не менее популярные. Самым ярким из них была женщина – Лидия Атманаки, столетие со дня рождения которой так и не отметили в 2012-м году.

Сейчас это имя практически забыто. Настолько, что в трехтомной истории советской эстрады, вышедшей всего лишь через 15 лет после смерти актрисы, ей отведено ровно четыре строчки. А из даты рождения известен только год – 1912. Между тем в 1930-50-х годах Л. Атманаки была очень популярной эстрадной актрисой. Выдающийся кинорежиссер Леонид Трауберг отзывался о ней как о «титаническом таланте», и зрительский успех на лучших концертных площадках Союза подтверждает его мнение. Но сегодня восстанавливать биографию актрисы приходится, что называется, по крохам, пользуясь редкими фрагментами различных мемуаров да рассказами ее многолетнего партнера Аркадия Астахова.

Именно А. Астахов назвал мне точное место рождения Л. Атманаки – город Керчь, хотя и в энциклопедии «Эстрада России. XX век», и в Википедии таковым названа Одесса. Причину путаницы можно понять, поскольку именно в Одессе начался путь актрисы к популярности. Но попала она сюда через Николаев, куда после гражданской войны переехала семья Георгия Атманаки – моряка с греческими корнями. Продолжая семейную традицию, Лидия после окончания школы поступила в судостроительный техникум (на базе которого был затем создан ныне знаменитый Нико-

лаевский кораблестроительный университет), училась серьезно, собираясь стать инженером, – по тем временам весьма статусная профессия. В вузе участвовала в самодеятельной агитбригаде «Синяя блуза» и постепенно поняла, что именно сцена – ее истинное призвание. Тем временем при николаевском Доме Красной Армии появился театр малых форм, получивший пафосное (особенно для такого жанра) название – имени 10-летия Сивашских боев. Туда и пришла 19-летняя студентка с небольшим запасом песенок, куплетов и стихов. Там и осталась. Театрального образования она так и не получила, его заменили природный дар и практическая работа. Вот чего-чего, а работы было много, ибо в преимущественно мужском коллективе Л. Атманакки быстро заняла ведущее положение, и без нее не обходилось ни одно выступление.

Уже с самого начала поражала многогранность ее дарования – актриса пела песенки, читала рассказы и стихи, исполняла пародии, играла с партнерами сценки и интермедии, но излюбленным ее жанром стал музыкальный фельетон. Тут ей было мало равных, тем более что Л. Атманакки блестяще перевоплощалась не только в гротескные маски тунеядок, мещанок, стяжательниц (такими были в сталинские времена основные мишени эстрадной сатиры), но мастерски создавала и героические образы, что вообще удавалось единицам исполнителей. Именно этот, говоря по-нынешнему, «формат» принес ей первую известность. Речь идет о «музыкально-героическом» монологе «Беломорско-Балтийский канал». Тема, после всего того, что нам теперь известно об этой «стройке века», довольно-таки сомнительная, но не будем забывать, что в начале 1930-х канал пиарился властью как одно из главных достижений «страны победившего труда», а о реальном положении вещей знали не многие. Но с чисто профессиональной точки зрения монолог был сделан безукоризненно: за 15 минут, что он звучал, перед зрителями представали целых 20 персонажей, не похожих один на другой.

Самым же любимым в репертуаре Л. Атманакки был рассказ Виктора Типота (один из создателей Московского театра Сатиры, соавтор либретто лучшей оперетты И. Дунаевского «Вольный ветер») «Четыре встречи». «Беспризорная девчонка продает на улицах Одессы букетики фиалок, – описывал этот номер исто-

рик эстрады Евгений Гершуни. – Для привлечения покупателей она даже сочинила песенку «Купите фиалки, купите фиалки». Песенка становится лейтмотивом номера. Это новелла о том, как советские люди помогли беспризорнице стать настоящим человеком». «Исполняя этот монолог, – вспоминал Аркадий Астахов, – Атманакки так вживалась в образ, что зрители пребывали в абсолютной уверенности, будто она рассказывает свою биографию. Лидия Георгиевна исполняла его без малого тридцать лет и всегда – с неизменным успехом».

Но этот номер Л. Атманакки подготовила уже после того, как николаевский театр расформировали. Несколько артистов, в том числе и ее муж Борис Львович, создали эстрадную группу и ездили с концертами по городам и селам Украины. В Запорожье им предложили остаться при заводе авиамоторов: днем выступали в цехах, а вечером – в кинотеатрах перед сеансами. Но весной 1935 года пришла телеграмма из Одесской госэстрады – приглашали на просмотр. Показ проходил на втором этаже здания, где затем, в 1950-70-х гг., находился знаменитый Театр музыкальной комедии. Фурор был полный, и уже на следующий день группа выступала на концертах в честь Первого мая.

Довоенная пора – время расцвета одесской эстрады. В праздничные дни в городе проводилось до 150 концертов – их заказывали предприятия, учреждения, учебные заведения. Местные «звезды» выступали по 10-12 раз в день, причем ездили на концерты на оставшихся еще в городе извозчиках. У них даже было негласное соревнование: кто первый выполнит норму и доложит об этом заведующему оперативным отделом Госэстрады Исидору Курильскому (отец тренера женской сборной СССР по волейболу Юрия Курильского). Но и артистов было немало – одних «разговорников» (рассказчиков, куплетистов, юмористов) насчитывалось 14. Нередко устраивались конкурсы юмористов, где победителя определяли сами зрители. Бригада Л. Атманакки быстро вписалась в этот отряд, став одной из самых популярных в городе, где в эстраде всегда знали толк.

Слухи о незаурядном даровании Л. Атманакки дошли и до столицы. В 1936 году ее пригласили в Москву – на просмотр для участия в программе сада «Эрмитаж». Уже само по себе такое

приглашение означало признание: до войны и еще несколько десятилетий спустя на открытой площадке «Эрмитажа» выступали сливки советской эстрады. Однако узнать о решении просмотровой комиссии актрисе так и не пришлось: муж уговорил ее вернуться обратно в Одессу. По его убеждению, в столице Л. Атманаки не дал бы развернуться всесильный тогда Николай Смирнов-Сокольский. Знаменитый конферансье (и выдающийся библиофил) обладал огромным влиянием, которое нередко использовал, чтобы не пускать на большую эстраду потенциальных конкурентов. В принципе, угроза была вполне реальной – большие мастера к коллегам равного уровня очень часто относятся с предубеждением. Однако существует версия, что Борис Львович поступил так из сугубо корыстных целей: красивый мужчина, артистом он был посредственным, более или менее успешно выступал только в дуэтах (чаще всего – с А. Астаховым) или в общих сценках. И вполне возможно, попросту боялся потеряться в столице, где количество прекрасных эстрадников исчислялось десятками. Так оно было или не так, но факт остается фактом: отъезд Л. Атманаки без объяснения причин оскорбил и отборочную комиссию, и лично Н. Смирнова-Сокольского.

Сейчас можно с полным правом утверждать, что это была страшная ошибка, надолго перекрывшая актрисе доступ на центральные концертные площадки. А ведь, как известно, слава делается в столицах...

Самым печальным последствием этой истории стало то, что когда в 1939 г. с невиданной помпой проходил Первый Всесоюзный конкурс артистов эстрады, Л. Атманаки не пригласили даже на первый тур. Между тем она вполне могла бы не просто составить конкуренцию Аркадию Райкину, который в итоге стал лауреатом второй премии (первую не присудили никому), но и имела все шансы опередить его.

На чем основано столь смелое предположение?

На сравнении репертуара двух артистов.

Райкин на конкурсе исполнял несколько вещей: пародию, в которой представлял зрителю, как бы исполнили пушкинское стихотворение «Узник» актеры различных жанров; комическую сценку «Чарли Чаплин», юмористический рассказ «Мишка», взя-

тый из пионерского журнала «Костер». Между тем, как отмечали члены жюри и критики, в конкурсе «разговорников» практически не звучала «героическая тема», не было политических фельетонистов и куплетистов. Но ведь именно в этих жанрах и блистала Л. Атманаки, а героика вообще была ее коньком. Но даже если брать в расчет сугубый профессионализм, то и тут Л. Атманаки ни в чем не уступала А. Райкину.

«Так же, как Аркадий Исаакович, – вспоминает Владимир Рецептер, – Лидия Георгиевна любила резкую смену костюмов, мгновенные перевоплощения и легко скользила от женских к мужским ролям, щеголяя разными очками, паричками, накладными носами и т. п.

Потому я и берусь утверждать, что тот же монолог «Четыре встречи» как минимум принес бы ей звание лауреата и открыл бы доступ к главным концертным площадкам.

Больше подобной возможности судьба ей не предоставила».

Но все эти проблемы отодвинула в сторону война...

Уже 26 июня 1941 года из артистов Одесской госэстрады была создана фронтовая бригада, которая выступала на призывных пунктах и в госпиталях. В июле артистов отправили по маршруту Николаев – Запорожье – Днепропетровск: это уже была передовая. Из документов, которые сохранились в архиве Аркадия Астахова, следует весьма любопытная вещь. Формально начало легендарной обороны Одессы отсчитывают с 5 августа. Однако иллюзий по поводу того, удастся ли удержать город, руководство не питало с самого начала. Ибо уже 23 июля артисты фронтовой бригады были эвакуированы. Круглыми путями они добрались до Ростова, затем оказались в Душанбе, где по приказу Всесоюзного комитета по делам искусств вошли в состав хозрасчетной бригады при Туркменской филармонии.

Бригада была мобильная – всего восемь человек: три «разговорника» (включая Л. Атманаки), певица, танцовщица и трио музыкантов – рояль, аккордеон, балалайка. Ставки утвердили высокие: от 1000 рублей у музыкантов до 2000 у ведущей актрисы при средней зарплате по Союзу – 354 рубля. От прибыли государству отчисляли всего 10%, правда, все расходы несли сами артисты.

Однако с работой в Туркмении не заладилось; в первые месяцы войны было не до концертов, к тому же в этой республике русским языком в достаточной степени владел едва ли один из десяти жителей. И уже в декабре 1941-го бригада Л. Атманаки обосновалась в Алма-Ате, влившись в состав местной филармонии.

Казахская столица приняла одесситов с восторгом. Писатель Владимир Кунин (автор прогремевшей в «перестройку» повести «Интердевочка»), эвакуированный подростком в Алма-Ату, вспоминал, что «мелодекламации Лидии Атманаки сводили с ума санитарок и поварих, нянечек и раненых, врачей и местную казахскую знать:

Но однажды весной
Лейтенант молодой,
Покупая цветы в магазине,
Взглядом, полным огня,
Посмотрел на меня
И унес мое сердце в корзине...

Зайдите на цветы взглянуть –
Всего одна минута!
Приколет розу вам на грудь
Цветочница Анюта...

А после концерта в кабинете начальника – маленький банкетик. И само собой, гонорар со склада ПФС, что значит «продовольственно-фуражирное снабжение»... по килограмму ячневой или пшенной крупы, по бутылке хлопкового масла».

Эти впечатления подтверждаются и официальными документами. Так, когда в театре оперы и балета городской комитет по делам физкультуры и спорта решил провести «вечер-концерт мастеров искусства», сбор от которого шел на строительство эскадрильи «Советский физкультурник», то горком партии просил у руководства филармонии выделить для участия в программе «четырёх ведущих артистов», причем трое были названы конкретно – Атманаки, Астахов и Львович. Выбор объяснялся так: «по просьбе физкультурной общественности».

На фронте. Атманаки – с цветами

И когда в конце 1942 года на уровне ЦК Компартии Казахстана было принято решение отправить на фронт концертную бригаду, то наряду с местными «звездами» – народными артистами КазССР Елюбаем Умирзаковым, Жусипбеком Елебековым, писателем Габиденом Мустафиным и другими, в ее состав включили также Л. Атманаки и артистов ее коллектива – Аркадия Астахова, Бориса Львовича, Юзефа Басова и Николая Ткаченко. Бригада выступала на Калининском фронте с 8 ноября 1942 года по 18 января 1943 года – в общей сложности около 300 раз.

Концерты проходили на лесных опушках, на танках, в блиндажах, госпиталях, эшелонах, порою даже в 300 метрах от линии фронта. Репертуар был по преимуществу героический, но на ура шли и лирические, сатирические рассказы и куплеты, которые, что называется, на ходу сочиняли встреченные в поездке драматурги Михаил Червинский и Арнольд Арнольд. А на бис шла песня «Одессит Мишка», которую Л. Атманаки и ее группа исполняли с особым чувством. После возвращения в Алма-Ату актриса получила звание «заслуженная артистка Казахской ССР». А зна-

менитые кинорежиссеры Григорий Козинцев и Леонид Трауберг пригласили ее сняться в сатирической комедии «Юный Фриц» – вместе с такими мастерами, как Михаил Жаров, Максим Штраух, Михаил Астангов, Янина Жеймо, Всеволод Пудовкин. И надо сказать, что кинодебютантка ничуть не уступала своим намного более опытным партнерам.

Летом 1944 года бригада Л. Атманаки приехала с гастролями в Новосибирск, где в то время базировался Ленинградский театр имени Пушкина (Александринский). Мастера этого легендарного коллектива традиционно скептически относились к эстрадникам, считая их как бы артистами второго сорта. Но талант Л. Атманаки признали даже они.

Великая актриса Екатерина Корчагина-Александровская, вспоминал А. Астахов, как-то после концерта зашла за кулисы, долго вглядывалась в Л. Атманаки, а потом произнесла с удивлением: «И откуда ты такая взялась?!». Не остался в стороне от общих восторгов даже сам Юрий Юрьев: если был свободен от спектакля, то неизменно приходил на концерт, дарил цветы и рассыпался в комплиментах. Злые языки даже поздравляли актрису с тем, что она первая женщина, которой удалось влюбить в себя Ю. Юрьева (ориентация знаменитого актера ни для кого не была секретом). А художественный руководитель Александринки Леонид Вивьен предложил ей на выбор три роли – комедийную, драматическую и трагическую; пожалуй, это была едва ли не высшая оценка удивительно разностороннего дарования актрисы. Забегая вперед, скажу, что перейти на театральную сцену предлагал ей и Николай Акимов – руководитель Ленинградского театра комедии. Но Л. Атманаки от этих заманчивых предложений отказалась – и совершенно справедливо. Она была актрисой «ударного момента», и пребывать длительное время в одном и том же образе ей было трудно. Кроме того, Л. Атманаки прекрасно понимала, что в большом театральном коллективе она будет лишь «одной из...», в то время как за годы работы на эстраде привыкла к статусу премьерши и расставаться с этой ролью не имела ни малейшего желания.

Так или иначе, но в апреле 1945-го коллектив Л. Атманаки вернулся в Одессу, горячо встреченный преданными поклонниками. Для выступлений артистам дали здание в Театральном переулке,

где в годы войны размещался ресторан «Норд» («Северный»), одним из владельцев которого был Петр Лещенко. А в феврале 1946 года бригаду направили в Германию – для обслуживания Группы советских войск.

«Едва мы прилетели в Берлин, – вспоминал А. Астахов, – как нам тут же предложили дать концерт для летчиков – прямо в ангаре. После чего летчики посчитали нас своей «собственностью» и решили, что выступать мы будем только перед ними. Но об этом узнали в штабе и нас срочно направили в Бабельсберг, где как раз отбирали артистов для праздничного концерта в честь Дня Советской Армии».

Отбирали придирчиво: ведь на концерте должны были присутствовать прославленные полководцы во главе с маршалом Г. Жуковым. Но увидев программу одесситов, начальник политуправления группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант Пронин, который отвечал за организацию концерта, распорядился отменить все прочие приглашения, с тем чтобы выступала только группа Л. Атманакис.

В Берлине. 1946 год

Утром 23 февраля в гостинице, где жили артисты, первым делом появились парикмахеры, затем портные и реквизиторы, которые придирчиво осматривали одежду и реквизит, на ходу исправляя то, что сочли недостатками. Ровно в 16 часов были поданы автомобили, и артистов повезли на место выступления. Стоит ли говорить, как волновались одесситы?! Но генерал – ответственный успокаивал их: «Сегодня будет по-домашнему, по-семейному». Так оно и оказалось. Выступать пришлось не в зале, а в огромной комнате. Посередине стоял белый рояль, а за столами сидели люди, чьи имена и лица в то время знали все – от мала до велика: Жуков, Буденный, Катуков, Ротмистров, большое количество генералов...

«Принимали нас потрясающе, – рассказывал А. Астахов. – Жуков посадил Атманаки рядом с собой, расспрашивал о фронтовых концертах, говорил комплименты.

А потом зрители как бы поменялись местами с артистами. Жуков и Ротмистров пели, Буденный рассказывал анекдоты, почему-то сплошь дореволюционные. После этого выступления одесситов оставили в Германии не на десять дней, как планировалось, а на целых три с половиной месяца. За это время артисты дали 84 концерта, помогая также участникам армейской самодеятельности. Один из самых памятных концертов – выступление на приеме в честь польского маршала М. Роля-Жемерского – кавалера ордена «Победа», которым награждено всего 16 полководцев.

А с Жуковым и Буденным довелось встретиться еще раз – на проходах маршалов в Москву. Артисты окружили Буденного и запели: «Буденный – наш братишка...». Маршал аж прослезился...»

По возвращении домой потекли будни – подготовка новых номеров, концерты, гастролы. В 1948-м выступали в Ленинграде; целый месяц зрители заполняли Театр эстрады. Видя такой успех, местные администраторы начали уговаривать артистов перебраться из Южной Пальмиры в Северную. Л. Атманаки долго колебалась, но в конце концов дала себя уговорить, и в мае 1949-го ее коллектив вошел в штат Ленгосэстрады. Помимо «стариков» в программах выступали и молодые артисты, ставшие затем известными мастерами: акробат и музыкальный эксцентрик Леонид Маслюков, будущий народный артист РСФСР, воспитатель

С коллегами. Начало 1950-х гг.

многих эстрадных актеров; иллюзионист Анатолий Фурманов; группа «Степановы». Пришел в ансамбль и опытный мастер Г. Карповский – в 1930-х он начинал вместе с А. Райкиным, входил в первый состав его театра, но после войны оттуда ушел. Не исключено, что это была одна из причин, по которой А. Райкин не жаловал Л. Атманаки. Настолько, что ни разу не был на ее концертах, хотя более десяти лет они работали в одном городе, и А. Райкин неоднократно получал от актрисы приглашения на премьеры ее программ.

Понять подобное отношение нетрудно: ведь появление Л. Атманаки в Ленинграде поставило под угрозу беспорное дотолее лидерство райкинского театра в жанре эстрадных миниатюр. А Аркадий Исаакович был человеком крайне самолюбивым. А тут еще с Л. Атманаки начали работать его постоянные авторы – В. Поляков, А. Хазин, В. Масс и М. Червинский. В довершение всего программу «Каждый день» согласился поставить не кто иной как Георгий Товстоногов; хотя до БДТ и всемирной славы было еще далеко, но режиссер уже был дважды лауреатом Сталинской премии и считался в Питере восходящей звездой.

Подбирая актеров для этого спектакля, Л. Атманаки обратила внимание на выпускницу театрального института Зинаиду Шарко. «Положив глаз на бойкую студентку, – описывает эту ситуацию многолетний партнер З. Шарко по БДТ Владимир Рецептер, – Атманаки сказала Зине: «У меня ты получишь сразу восемь ролей, и мы объедем всю страну!».

Устоять против такой перспективы (выгодной, в том числе, и в материальном отношении) начинающая актриса просто не могла. Благодаря чему встретила «главного режиссера своей жизни», с которым создала немало замечательных образов на прославленной сцене БДТ. Но до этого было далеко, а пока что у постановщика и актрисы разыгрался нешуточный роман. Сама Зинаида Максимовна говорить на эту тему не любит, но очевидцы рассказывали, что через месяц после начала репетиций актриса обнаружила неожиданное пристрастие к шейным платкам; злые языки утверждали, что таким образом она скрывала следы страстных свиданий с Гогой...

Лидия Атманаки со своим коллективом проработала в Ленинграде без малого 15 лет, много гастролировала по стране. Но тогдашняя пресса эстраду не жаловала, отзывов на ее выступления – мизерное количество. Записи концертов отсутствуют. Так что получить представление о мастерстве актрисы можно лишь по крайне редким ее появлениям на киноэкране. Самая известная из ролей – в фильме 1956 года «Она вас любит», где Л. Атманаки сыграла портниху-шляпницу Веронику Павловну – соседку главного героя Канарейкина (Г. Вицин). Нынче если картина и помнится, то лишь благодаря одной фразе, сказанной как раз героиней Л. Атманаки: «У меня назревает новое недовыполнение по шляпам. Я создаю сейчас новую модель».

Возможно, актриса сыграла бы больше ролей, когда б не болезнь. Рак был обнаружен слишком поздно, чтобы оставались хоть какие-то шансы на выздоровление. Лидия Атманаки умерла 5 марта 1963 года, прожив на свете всего 51 год. Две ленинградские газеты поместили некрологи. Больше на это событие не откликнулось ни одно издание.